

«...он имел намерение торговать за океан две единственные оставшиеся нам национальные жемчужины: наш балет и наш метрополитен. Все уже было приготовлено к сделке, но только вот этот двурушник немножко ошибся в своих

клиентах с Манхэттена. Когда с одним из них он спустился в метрополитен, чтобы накупить нужную цену, — этот бестолковый коммерсант-янки решил, что перед ним — балет. А когда тот привел его в балет...»

(Венедикт Ерофеев. «Вальпургиева ночь, или Шаги командора».)

Тот, кто носит «Адидасы», — тот и Родину продаст», — шутили во времена застоя развитого социализма. И продавали те, кто рвался в импортные шмотки, и совграждане, никогда их не носившие, а особенно эффектно, тем, чьим прикидом были пачки, трико, балетные туфли. Артисты балета не как же быть с другой известной поговоркой: «Где родился, там и пригодился»? Увы, к балету она никакого отношения не имеет. Отъезд, уход, побег русских артистов балета, начавшийся сразу после Великого Октября, продолжили звезды советского балета. И оказалось, что именно там, за пределами родины они пригодились. У каждого сбежавшего-невернувшегося своя история — трагическая или драматическая, всегда захватывающая.

Дягилева, Павлову, Нижинского везло, когда они были уже там, за бугром. В каком-то смысле им повезло. Конечно, они скучали, тосковали по березкам и снегу, по Мариинскому театру, по своему прошлому, по тем, кто остался в России, но вернуться туда? Нет, рассказы вырвавшихся из совдеповского рая внушали ужас. Путешествия из Красной России в Европу Кшесинской, Карсавиной, Лифаря — это страшные и захватывающие приключения, рядом с которыми сегодняшние американские боевики — сладкие кинокартинки.

В своей книге «Страдные годы» Серж Лифарь описал в холодящих душу подробностях свое житье-бытие в большевистском Киеве, откуда ему удалось вырваться в 1922 году. Первая попытка будущего премьера русского балета Дягилева, великого танцовщика и хореографа, перейти границу с Польшей закончилась для него неудачно. И вот он в руках ЧК. «В чрезвычайке меня прежде всего тщательно обыскали и отняли все мое золото и валюту. Хорошо еще, что по дороге я успел разжевать и проглотить свой паспорт... Потом меня, никогда не болевшего сыпным тифом и больше всего боявшегося заболеть этой страшной болезнью, посадили в камеру, где находились тифозные — несколько полутрупов, метавшихся в жару. Несмотря на выбитые окна, воздух был нестерпимо отвратителен и насыщен миазмами. По телам тифозных — от одного к другому — переползали вши...»

Ужас охватил меня: эти отвратительные вши страшнее всякого чехистского нагана! Малейший

укус тифозной вши, и я буду так же метаться в бреду, как эти несчастные, и через несколько дней меня так же выволокут за ноги из зловонной камеры, как выволакивают каждый день их трупы, и мое место займет новый тифозный...

Единственное спасение — стоять. Единственная защита — смазанные жиром сапоги. И я решил стоять. И стоял. Простоял четыре дня и четыре ночи, голодный — мне ничего не давали есть, — измученный невероятной, нечеловеческой усталостью и кошмарами — бредом тифозных и их умиранием. От стояния в течение четырех суток на ногах узловатыми веревками раздулись жилы... Всякий, кто прочитает воспоминания Лифаря, будет поражен серьезностью и мужеством этого человека. А вот посмотрев фильм Алексея Учителя «Мания Жизели», зритель будет неприятно разочарован, когда не узнает в той опереточной стрекозе, которая скачет по кинофильму, Лифаря, сильного и яркого человека и артиста. Как, впрочем, не увидит и той реальной советской действительности, в которой жили и другие балетные артисты и с которой распрощались — кто раньше, кто позже.

Ну а кто не успел, тот опоздал. Вскоре железный занавес закрылся, и, казалось, уже никто и никогда не сможет вырваться отсюда — туда. Но 16 июня 1961 года весь мир взорвала сенсационная новость — советский танцовщик Рудольф Нуреев попросил политического убежища во Франции, где находился вместе с балетной труппой Кировского театра в гастрольном поезде. Артист пользовался большим успехом в Париже, у него появилось много друзей, вел он себя очень раскованно и свободно, встречался с кем хотел и когда хотел, и как результат — резкое недовольство сопровождающих труппу людей в штатском. В аэропорту «Ле Бурже», откуда труппа должна была лететь в Лондон, чтобы продолжить уже в Англии гастрольное турне, Нурееву сообщили, что он не летит в Лондон, а возвращается в Москву, где должен танцевать в Кремле в правительственном концерте. «Я сказал себе: это конец», — пишет в своих воспоминаниях Нуреев. И тут разыгрывается маленькая история, Нурееву удается дозвониться до одной из своих поклонниц, Клары, а той понадобилось ровно двадцать пять минут, чтобы добраться до «Ле Бурже». «Она бросилась к двум полицейским из охраны аэропорта и сказала им, что «один русский танцовщик внизу хочет остаться во Франции». «Полицейские, как мне объяснили позже, — вспоминает Танцовщик, — сказали, что у них нет никаких прав похищать меня, но они наделены полномочиями помочь мне и впоследствии защищать, если я полностью буду в курсе того, что подразумевает мое решение, и если оно будет принято исключительно по моей воле». К тому времени вся труппа уже летела в Лондон, а Рудольф Нуреев, оставшийся под присмотром одного из сопровождающих, прятался за колонной. «Когда габзшиш увидел, что Клара приближается, сопровождаемая по бокам двумя французскими полицейскими, он сразу же приступил к решительным действиям и быстро обшарил весь зал. Обнаружив меня, прячущегося за колонной, он попытался сгрести меня в охапку и затаскать в маленькую комнатку, где, я уверен, русские пилоты ждали времени отправления «ТУ». Даже не знаю, что случилось бы, если бы у него получилось захватить меня туда, но мне удалось ускользнуть от него, а так как зал в ту минуту был полон народу, он побоялся, очевидно, устраивать публичный скандал.

Воспользовавшись этим обстоятельством, я направился обратно в бар, чтобы Клара могла меня легко найти. И действительно, я увидел ее в другом конце бара — как ни странно, помню

его название: «Крылатый бар» — и, словно на крыльях, яванул к ней. Клара спокойно предложила мне перед отъездом выпить с ней чашечку кофе. Я посмотрел на нее, затем на двух французских полицейских, стоящих поблизости. Перед глазами все будто поплыло: мне страшно хотелось убежать, и в то же время на секунду, которая, казалось, длилась вечно, мои мышцы вдруг стали такими тяжелыми, будто они были из свинца. Мне казалось, я никогда не смогу больше даже пошевелиться. И затем я сделал это: совершив самый длинный и захватывающий дух прыжок в своей жизни, я приземлился прямо в руки тех двух полицейских. «Я хочу остаться», — прокричал я, задыхаясь. — «Я хочу остаться!»

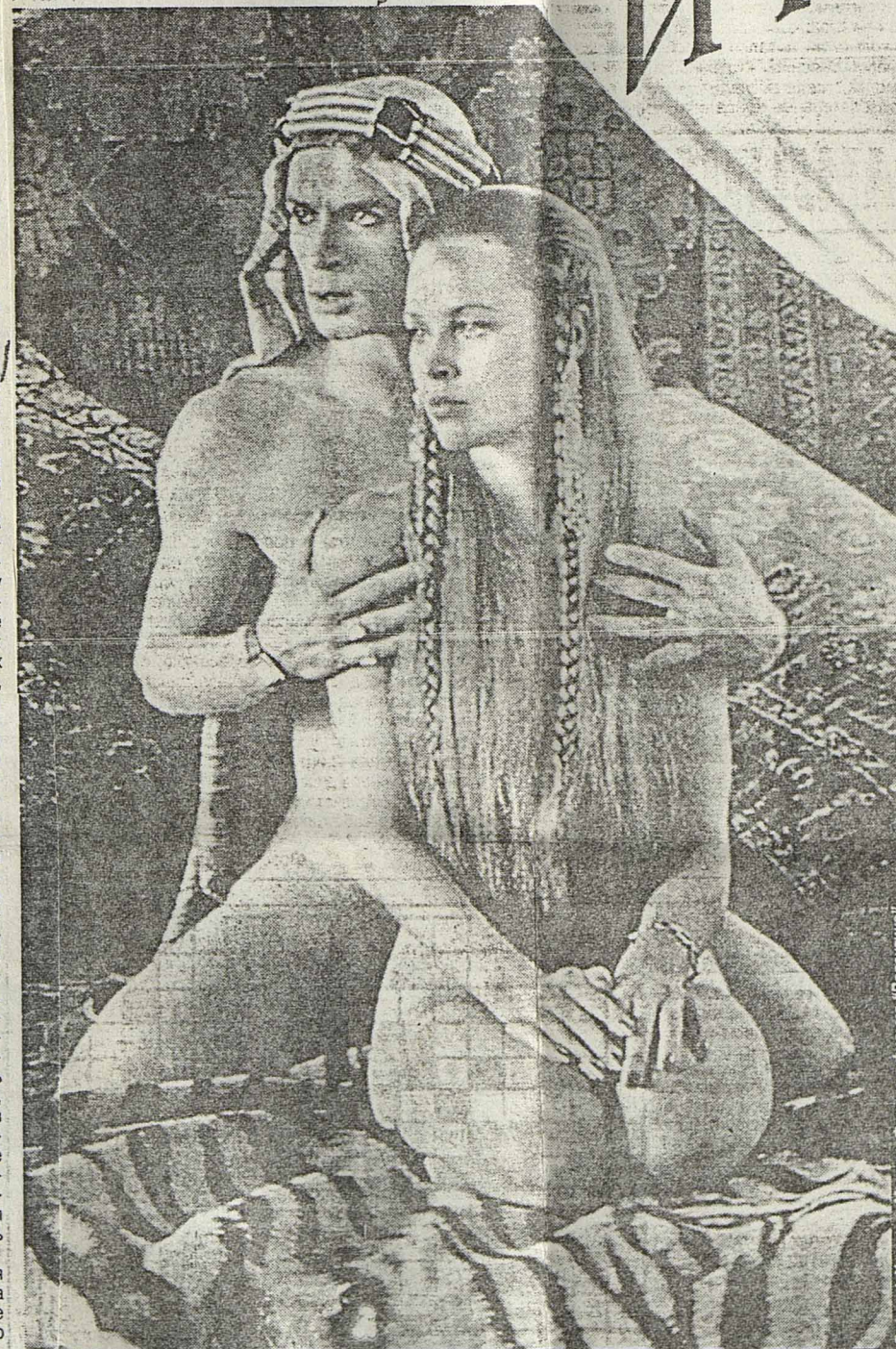
Рудольф Нуреев стал первым балетным не-возвращенцем, первым изменником родины. Ленинградским городским судом он был приговорен к семи годам лишения свободы с конфискацией имущества. СССР не только осудил поступок Нуреева, он и старательно мстит танцовщику, в КГБ разрабатывался план автомобильной катастрофы, после которой, если бы он и остался жив, ни о каких танцах не могло быть и речи. Не выпускали к нему мать, а когда через много лет Нурееву разрешили с ней увидеться, она, тяжело-любобная, не узнала сына. Кстати, среди осудивших Нуреева был и Серж Лифарь, опубликовавший письмо «Не любит никого и предает

всех», в котором подвергал резкой критике поступок Нуреева. И это тот самый Лифарь, когда-то сам чудом вырвавшийся из России. Но в это время он заигрывал с СССР, а потом, наверное, не мог простить Нурееву его молодости и фантастического успеха на Западе. Нуреев того письма, кстати, сразу же перепечатанного «Известиями», тоже не простил Лифарю.

Ну, а вслед за Нуреевым потянулись за кордон и другие. Число не-возвращенцев все росло и росло. Причем удивительно, что первые беглецы были из Кировского театра. Может быть, потому, что обстановка там была более затхлой по сравнению с Москвой. В столице вроде как повеселее и к началу труппы ближе. В 1970 году в Лондоне сказала: «Прощай, СССР» Наталья Макарова, одна из ведущих балерин Кировского. Она вспоминает: «В труппе на следующий день (после того, как Макарова попросила политического убежища), разумеется, поднялся переполох — начались пересуды, для всех известие о моем defection было как

Мок. Макарова и.ч. - 1997 - 26 апреля, с.8

Дезертиры в трико и пачках

удар грома. Еще бы, я и сама не ожидала такого оборота. Особенно, как мне рассказывали, убивалась моя костюмерша Валечка, которая меня очень любила. Она напилась и рыдала, приговаривая: «Кто бы мог подумать, что Наташка, наша Наташка останется! Все думали — Барышников, Барышников, а вот ведь что случилось». И ведь, что удивительно, правильно думали. Ненадолго задержался в Советском Союзе Михаил Барышников. В 1974 году, в Канаде, в Торонто, после спектакля он, выйдя в окружении поклонников, вдруг бросился бежать со всех ног. Поклонники решили, что он спасается бегством от них, и ринулись вдогонку. Но Барышников бежал к припаркованной недалеко от театра машине, где его ждал адвокат, с которым за два дня до этого он обсудил план своего не-возвращения в СССР. В том же году уехал из Кировского и балерина Галина Рагозина с супругом Валерием Пановым — им разрешили эмигрировать в Израиль.

Первым знаменитым перебежчиком из Большого стал роскошный, эффектный, сильный танцовщик Александр Годунов, незабываемый партнер Майи Плисецкой в балетах «Кармен-сюита» и «Анна Каренина». Плисецкая вспоминает: «В кинофильме «Анна Каренина» со мной снимался Годунов. Когда фильм уже домонтировался, мы, не дожидаясь финиша, уехали в очередной американский тур. В самолете Саша сказал мне, что не намерен более возвращаться в СССР.

— Но тогда наши съемки «Анны» пропадут. Подожди, пока фильм выйдет на экраны. А там... В следующий раз останешься...

Саша Годунов был человеком слова.

— Хорошо. Подожду.

Он остался в США в 1979 году. Все прошло не очень удачно. Вместе с Годуновым решила остаться и его жена, балерина Людмила Власова. Но, вернувшись в гостиницу за оставленными там драгоценностями, была схвачена сотрудниками КГБ, сопровождавшими, как водится, труппу. Подвергнувшись сильному психологическому давлению, Власова вынуждена была заявить, что осуждает мужа-перебежчика и добровольно покидает Америку. Самолет с балетной труппой Большого был на несколько часов задержан в аэропорту, в то время как американские власти пытались выяснить, по собственной ли воле покидает Америку Власова. В эту же поездку, но без шума, очень тихо остались в Америке Леонид и Валентина Козловы. В то время и родилась поговорка: «Театр уезжает Большим, а возвращается Малым».

Последующие отъезды-невозвращения балетных артистов уже не становились сенсацией: менялась страна, стирались границы, не стало Советского Союза. Но бег на Запад по очень разным причинам продолжается. Завершив карьеру в Большом, уехала из страны балерина Нина Тимофеева; нет здесь места и для легендарной ленинградской балерины Аллы Осипенко; солист Большого Ирек Мухамедов восхитает своим танцем англичан, а Владимир Малахов, блистательный солист труппы Натальи Касаткиной и Владимира Василева, сегодня — австрийский подданный, звезда Венской оперы, которого боготворят и любят там.